

ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена исследованию понятия ценности и ценностные ориентации в современной научной литературе в рамках педагогической, психологической и социологической теорий. Выделены основные подходы к анализу понятий «ценности», «ценностные ориентации», внимание к различным толкованиям которых обусловлено их идейно-эстетическим содержанием. Были рассмотрены точки зрения в работах отечественных и зарубежных ученых последнего времени З.Фрейда, Д.Б.Зильбермана, Р.Нола, Х.Брунхорста.

Ключевые слова: ценность, ценностные ориентации, ценностная доктрина, личность, ценностное сознание, экзистенциалистская доктрина, социальные ценности.

Анализ научных источников показывает, что ценности – одно из ключевых понятий в общественных науках – философии, социологии, педагогике, психологии. В работах последнего периода особенно подчеркивается междисциплинарный характер ценностей, несмотря на то, что известно более ста определений ценностей, однако особой ясности, что такое ценности, нет до сих пор. В этой связи нельзя не согласиться с Д.А.Леонтьевым, который пишет: «...отсутствует четкое представление о том, к чему относится само слово «ценность» [5]. Оно используется разными авторами в совершенно разных, взаимоисключающих и несопоставимых смыслах... Авторы же, претендующие на обобщение разных точек зрения, в лучшем случае классифицируют разные подходы, даже не пытаясь привести их к какому-то общему знаменателю...или же констатируют наличие у ценности разных аспектов или сторон, например, субъективной и объективной или предметной. В силу этого работы разных авторов, обращающихся к ценностной проблематике, не образуют единого проблемного поля. Вновь вступающий в эту область исследователь может выбрать один из подходов, наиболее близкий его личному представлению о ценности, и развивать дальше именно его, отвергнув все остальные; задача же совмещения разных перспектив обычно ставит в тупик. Именно поэтому исследования по философии, социологии и психологии ценностей не слишком привлекают исследователей, и имеют низкий коэффициент полезного действия, ибо степень взаимного оплодотворения разными подходами друг к другу очень и очень невелика».

Исследование показывает, что ценности понимаются и как часть личностной структуры, и как особая предметная область, причем оба понятия могут выступать и альтернативными, и взаимодополняющими.

Последний случай дает вариации в отношении решения проблемы взаимосвязи между предметными ценностями и их личностным преломлением: то ли личность опредмечивает ценности, то ли, напротив, присваивает их. Наконец, есть и такое представление, будто ценности – это нечто вторичное, производное, несамостоятельное, редуцируемое к более к фундаментальным сущностям.

Этот редукционистический подход представлен в западной философии такими столпами философского прагматизма, как Д.Ж.Дьюи, У.Джеймс, Р.Перри, а также основателями знаменитой Чикагской социологической школы У.Томасом, Ф.Знанецким и другими. Так, согласно У.Томасу и Ф.Знанецкому, «...ценность – это любой факт, имеющий доступные членам некоей социальной группы эмпирическое содержание и значение, исходя из которых он есть или может стать объектом деятельности». Таким образом, для У.Томаса и Ф.Знанецкого ценность – «любая вещь, способная вызвать импульс к социальной деятельности, при понимании им социальной деятельности как наиболее общей (интегральной) потребности (или интегрального интереса) человека» [6]. Нельзя не заметить, что такой подход к ценностям выглядит сугубо позитивистским, поскольку предполагает: ценности не существуют сами по себе, а являются лишь другим наименованием потребностей и интересов – истинно реальных сущностей. Однако, как представляется, все

же в данном случае за позитивистским обликом прячется вполне состоятельное понимание ценностей, которое лучше называть прагматическим (причем в не обыденно – утилитаристском смысле) и к которому мы вернемся в дальнейшем.

Между тем, в отечественной литературе позитивистские нотки в отношении ценностей слышны у В.П. Тугаринова, полагающего, что «ценности – предметы, явления, нужные людям в качестве удовлетворения потребностей и интересов». Подобным образом и В.С.Бакиров утверждает, что «в социальном человеческом бытии ценности соответствуют объективным потребностям общественного прогресса». И тут не важно, как именно определяется общественный прогресс, важно, что ценности оказываются просто другим наименованием его потребностей (или интересов). Однако если ценности – потребности и интересы, то нет проблемы ценностей, а есть проблема потребностей и интересов. Такой принцип противостоит пониманию ценностей как важнейшего фактора индивидуальной и социальной жизни.

Так, еще довольно в давние времена известный американский социолог русского происхождения П.Сорокин рассматривал ценности как фактор выживания общества (социального выживания человека): «Когда единство, усвоение и гармония ценностей ослабевают, увеличиваются шансы международной или гражданской войны». А вот что сегодня пишет Д.А.Леонтьев, ссылаясь на нынешнюю российскую действительность: «Разрушение ценностной основы неминуемо ведет к кризису (это относится как к личности, так и к обществу в целом), – выход из которого возможен только на пути обретения новых ценностей [5]. Нет нужды много говорить о том, насколько тесно это связано с сегодняшней ситуацией в российском обществе, расколом на группы и группки, и лишенном единой объединяющей платформы. Этот раскол есть прямое порождение ценностного кризиса, разразившегося вслед за крушением советской идеологии, подразумевавшей наличие у всего населения единообразной системы ценностей и довольно успешно формировавшей эти ценности через государственную систему идейного воспитания и пропаганды. Разрушение этих ценностных ориентиров не сопровождалось появлением сколько-нибудь

равноценных новых. Отсюда достаточно очевидным образом берут начало многие социальные проблемы, которые мы сегодня сталкиваемся во всей их неприглядной красе: кризис нравственности и правосознания, социальная нестабильность, политическая дезориентация и деморализация населения, падение ценности человеческой жизни и многое другое. На лицо ценностный нигилизм, цинизм, метание от одних ценностей к другим, экзистенциальный вакуум и многие другие симптомы социальной патологии, возникшей на почве перелома ценностной основы, смыслового голодания и вывиха мировоззрения».

Итак, разделенные солидным историческим временем, П.Сорокин и Д.А.Леонтьев защищают не просто ценностный реализм (особую ценностную предметность, не сводимую к чему-то иному), но именно социологическую сущность ценностей: ценности – это то, без чего становится весьма проблематичной общественная жизнь, т.е. жизнь людей в обществе. Следует обратить внимание, что ценности как социологические сущности могут определяться и через «общество», и через «людей» [5]. И такое терминологическое различие важно в том отношении, что оно ставит реальную проблему в дальнейшем определении ценностей. А именно: где и в виде чего существуют ценности – является их носителем исключительно личность, либо они не входят в личностную структуру и представляют для личности лишь сугубо внешние и объективные ориентиры или, наконец, ценности существуют и в личности, и предметно – объективной форме, и тогда возникает вопрос о механизме взаимодействия этих ценностных форм?

Понимание ценностей как реальности, сосредоточенной исключительно в структуре личности, демонстрирует экзистенциальная философия. Заслуга экзистенциалистов в том, что их пристальное внимание к отдельной личности ставит как таковую проблему ценностей. В самом деле, рассматривая индивидуальное существование, рефлексировавшим на личной свободе, или, по выражению Ж.П.Сартра, на «осуждении свободой», экзистенциализм фиксирует у человека зарождение на такой рефлексии морального сознания, или сознания ответственности за все им совершаемое, а это и есть ценностное сознание, т.е. сознание, которое не принуждено следовать уже

сделанному за него кем-то (Богом, властью, мудрецами, обществом, словом, любыми авторитетами) нравственному выбору, но само обязано делать этот выбор. И тут очень важно еще раз подчеркнуть, что экзистенциалисты совершенно правильно определяют ценности не как некую «вещную», предметно – объективную реальность, а как именно ценностное сознание, рефлексиию на состоянии личной ответственности – нет такой рефлексии, не может идти разговор и о ценностях, ибо человек, бездумно воспринимающий указанные ему готовые жизненные ориентиры, следует не ценностям, а установкам, нормам и т.п. В том-то и состоит еще одно бесспорное достижение экзистенциальной философии, что она не только показала источник предметных ценностей (соответственно и антиценностей) в ценностном (рефлексирующем на личной свободе, личной ответственности) сознании, но и подсказала весьма плодотворную для понимания проблемы ценностей идею разграничения между ценностями и нормами (установками и т.п.).

И в этой связи можно только приветствовать работу Л.И. Иванько, где автор, как бы в развитие экзистенциалистской подсказки, привлекает внимание к абсолютно ключевому здесь отличию ценностей от норм: «Ценности в большей степени соотносятся с целеполагающими сторонами человеческой деятельности, тогда как нормы тяготеют преимущественно к средствам и способам ее осуществления. Нормативная система более жестко детерминирует деятельность, чем ценностная, ибо, во-первых, норма не имеет градаций: ей либо следуют, либо нет. Ценности же различаются по «интенсивности», характеризуются большей или меньшей степенью настоятельности. Во-вторых, конкретная система норм основывается на внутренней монолитности: человек в своей деятельности следует всецело и полностью, одновременно; неприятие какого-либо из элементов этой системы означает неустойчивость, противоречивость его личностной структуры отношений. Что же касается системы ценностей, то она, как правило, строится по принципу иерархии: человек способен «жертвовать» одними ценностями ради других, варьировать порядок их реализации. Наконец, эти механизмы выполняют, как правило, различную ролевую функцию в формировании личностно-мотиваци-

онной структуры деятельности. Ценности, выступая определенными целевыми ориентирами, определяют верхнюю границу уровня социальных притязаний личности; нормы же – это средний «оптимум», перешагнув границы которого личность рискует оказаться «под обстрелом» неформальных санкций» [4].

Итак, подразумеваемая размежевание между ценностями и нормами именно благодаря пониманию ценностей как опредмеченного ценностного сознания, экзистенциализм наметил эвристический прорыв в исследовании ценностной проблематики. Однако сам этой эвристикой не воспользовался, ибо ставил перед собой заведомо иную задачу, нежели решение проблемы ценностей. Экзистенциалисты видели свою философскую миссию в том, чтобы вернуть отдельного человека в центр того мира, который на их глазах превращал этого человека лишь в средство для бесперебойной работы общественной машины. В результате индивидуальная психология стала для них «вечной», вне времени и пространства сущностью, и их плодотворнейшая догадка о возникновении у человека ценностного сознания вылилась в конце концов в неисторическое представление, будто индивид «по природе» наделен ценностным сознанием, когда бы, где бы и как бы он ни жил, так что история, общество, воспитание не имеют к ценностной реальности никакого отношения – реальность эта полностью, в готовом виде сосредоточена в индивидуальных мирах, индивидуальных психологиях и исключительно связана с неисторичной (неизменной в историческом и социокультурном времени) способностью индивида к рефлексии на сознании своей свободы, своей ответственности [3].

Интересно сравнивать экзистенциалистскую доктрину ценностей с фрейдистской. Прежде всего бросается в глаза одинаковая «сверхзадача» обеих. Как и экзистенциалисты, З.Фрейд делает «мировым центром» индивидуальную психологию, исключительно из нее выводятся межличностные, а в конечном счете и социальные отношения, словом, все то, что собственно и складывается в «общественную жизнь». Однако если у экзистенциалистов исключительной детерминантой существования человека в мире выступает именно ценностное и именно нравственное индивидуальное сознание, рождающееся рефлексией на собственную «брошенность», «осуж-

дение свободой», «испытание ответственностью», то фрейдизм называет такой детерминантой нечто совершенно иное – чисто биологическое принуждение со стороны индивидуального «оно» подсознания.

Распоряжающееся в человеке «оно» превращает его в марионетку, только теперь управление индивидом осуществляется не извне, а внутри самого индивида, что сути дела не меняет – индивид действует не как ценностное (свободное и ответственное в своем нравственном выборе) сознание, но как запрограммированное существо. Правда, З.Фрейд как будто бы допускает некоторую индивидуальную свободу, некоторое ограничение всесильного «оно» на «стыке» норм и установок. Именно на этом «стыке» вступает в свои права индивидуальное сознание, пытающееся «урезонить» собственное подсознание, собственное «оно». Но по большому счету все такие попытки тщетны, ибо сознание, противостоящее сверх-Я, опять-таки, не ценностно, а нормативно, оно возвращено не на собственном ответственном нравственном выборе, а на пассивном восприятии помимо него установленных социальных норм. Иначе говоря, сверх-Я, будучи нормативной, а не ценностной реальностью, не входит, в отличие от Оно, в структуру личности и, значит, не способно оказать сколько-нибудь серьезного влияния на личностное поведение. Так, достаточно представить, что некий человек попал просто в иную систему социальных норм, чем та, в которой он до того жил, и уже совершенно другое сверх-Я будет противостоять импульсам его неизменного Оно. Можно, таким образом, с уверенностью констатировать, что фрейдизм, в полную противоположность экзистенциализму, предложил такое понимание личности, которое принципиально исключало таковую ценностную реальность. Что касается «социальной жизни», З.Фрейд говорил не о социальных ценностях, а о социальных нормах, в силу самого факта (потому что это нормы, а не ценности) не становящихся частью личностной структуры, мотивами поведения личности. И отсюда же вывод: признать существование социальных ценностей (наряду с теми же социальными нормами), значит признать их частью структуры личности, т.е. признать феномен ценностного сознания, о чем и говорят экзистенциалисты – иное дело, что

говорят они о ценностном сознании абстрактно, имея в виду индивида вообще, вне конкретных истории, общества, воспитания. И можно поэтому предположить, что будь экзистенциалистская доктрина ценностей социологизирована, историзирована, т.е. рассматривайся ценностное сознание сущностью конкретно-исторической, конкретно-социологической, тогда с полным правом встал бы вопрос о социальных ценностях как опредмечивании этого конкретно-исторического, конкретно-социологического ценностного сознания [1].

Кстати, если попытаться социологизировать, историзировать индивидуальное сознание, то этот шаг собственно и будет означать переход к марксистской традиции – превращение строгого индивидуального сознания уже в надындивидуальное, общественное сознание, т.е. в сознание индивида, определенное конкретным обществом. И если продолжать понимать это сознание как ценностное (в экзистенциалистском смысле), то мы и придем к логической цепочке, лежащей в основе представлений о ценностях у философов советской философской школы: индивидуальное всегда общественное, ибо отражает ту или иную систему общественных отношений; поскольку же оно ценностное, то его опредмечивание в виде ценностей есть в сущности опредмечивание данной системы общественных отношений; следовательно, ценности – в том или ином виде опредмеченные общественные отношения. И действительно, например, у А.С.Богомолова читаем, что ценность – это элемент определенных в форме социальных институтов общественных отношений. Или же О.Г.Дробницкий рассматривал ценность как предметную форму существования общественных отношений.

Заметим, что в приведенных определениях не случайно выпадает такое звено, как ценностное сознание, хотя оно и подразумевается. И выпадает потому, что по марксистской традиции рассматривается чем-то вторичным, лишь «передаточной инстанцией» между социальным бытием и предметными ценностями. Однако думается, что это неправильно, и идеальным было бы, сохраняя экзистенциалистский акцент на феномене ценностного сознания, продемонстрировать, как того требует марксистская традиция, социологическую сущность данного феномена [4].

Между тем, именно такой, экзистенциалистско-марксистский симбиоз и начинает сегодня пробивать себе дорогу в отечественной и зарубежной литературе по ценностной проблематике. Так что есть основания говорить даже о некоем новом понимании ценностей. И суть этого нового понимания в том, что проблема ценностей ставится, во-первых, как проблема ценностного сознания, а во-вторых, как проблема социологическая и даже культурологическая.

В этом отношении очень показательны несколько работ отечественных и зарубежных ученых последнего времени. Среди таких работ выделяется ценностная доктрина российского исследователя Д.Б.Зильбермана, выбирающего в качестве ключевого понятия в анализе ценностей «культурную традицию».

Согласно Д.Б.Зильберману, высшей «самоубедительностью» обладает только социально-исторический опыт, который на каком-то историческом этапе (превращения человеческой культуры из устной в письменную) «высвобождает» ценностное создание (оно же историческое) и, значит, было время (дописьменная эпоха человечества), когда ценностного (исторического) сознания не существовало, во всяком случае как ментального, культурно значимого типа, когда люди, строго говоря, не оперировали ценностями, т.е. не были способны «трансценденталистски» отделять смысл события от самого события и, следовательно, воспринимать событие в целом, «со стороны», именно исторически – проследивая его не только пространственную, но и временную динамику, его «начало» (прошлое) и «конец» (будущее) [2]. И если неисторическое (неценностное) сознание в дописьменной человеческой культуре в самом деле могло воспринимать мир принципиально «имманентистски», лишь в его непосредственности, наличии данности, то мир таким сознанием фактически и воспринимался не как ценность, а как норма – мир именно таким (каким он нам дан сейчас) и обязан быть, иной вариант невозможен. Логика зильбермановой доктрины подсказывает, что неценностное (неисторическое) сознание – сознание нормативное, склонное опираться на «самоубедительные» основания (нормы). И отсюда же: ценностное (историческое) сознание отвергает принцип «самоубедительности», предполагая, что некая наличная данность всегда может быть и

иной, а потому вещи таким сознанием не принимаются как нечто должное, но оцениваются, приобретают ценность.

Почему, на наш взгляд, ценностная доктрина Д.Б.Зильбермана является определенным достижением в истории исследования проблемы ценностей? Потому, что осуществляет по отношению к имеющимся здесь разным подходам интегративную функцию, вынося по каждому из них то или иное (положительное или негативное) суждение [1].

Так, эта доктрина определенно отвергает онтологический подход ценностям, превращающих их в «самоубедительную» реальность, в нормы, в пользу понимания ценностей как продукта, опредмечивания социально-исторического опыта. И поскольку Д.Б.Зильберман говорит о ценностях в смысле ценностного сознания, то он здесь идет вполне в русле марксистской традиции, которая, социологизируя индивидуальное сознание, опредмечивая в нем общественное бытие, делает из него феномен общественного сознания. Вот и Д.Б.Зильберман, хотя и акцентируя, подобно экзистенциалистам, на мире сознания, в отличие от них рассматривает ценностное сознание в сущности надиндивидуальным, общественным, а следовательно и опредмечиваемые таким сознанием ценности – социальными [2].

Таким образом, Д.Б.Зильберман дает понять очень важную вещь, отрицаемую Фрейдом: социальные ценности – это и есть личностные ценности, т.е. они заведомо входят в структуру личности, мотивируя, регулируя ее поведение [2]. И этот вывод тем важнее, что к нему ныне приходят исследователи и на Западе, где до недавнего времени господствовал как раз фрейдистский взгляд, противопоставляющий внутренние побуждения личности социальным влиянием. Теперь же подчеркивается, в частности, Д.Ли, что социальные требования не только не враждебны потребностям личности, но структурируют эти потребности, выступая мотивационной базой личности, т.е. не нормами, а именно ценностями.

Кстати, Д.Б.Зильберман тут и находится в русле не только марксистской, и новейшей западной философской традиции, чьи общие принципы получили название «социального конструктивизма» и являются по сути наделением марксова «общественного сознания», которое определяется «общественным быти-

ем», способностью предметно выстраивать весь окружающий человека мир, и социальный, и природный. И подобно тому, как Д.Б.Зильберман отвергает онтологизацию ценностной реальности, социальные конструктивисты подразумевают в принципе ту же ценностную доктрину, выступая за «историзацию» (т.е. против онтологизации) любой реальности, даже природной. Согласно социальному конструктивизму, только через свой исторический социальный опыт человек определяет, опредмечивает окружающий его мир, в том числе и все то, что именуют «объективной реальностью» и что в действительности представляет социальный конструкт [2].

Философию социального конструктивизма хорошо разъясняет новозеландский исследователь Р.Нола, используя драматургию диалога, или спора между социальным конструктивизмом и реализмом (сторонником идеи «онтологической» объективной реальности). Ключевой фрагмент из этого спора достоин цитирования при всей пространности цитаты. Так, социальный конструктивист внушает реалисту: «Когда мы говорим вам, реалистам, что идея некоей вещи предшествует опредмечиванию самой вещи, в то время как вы утверждаете обратное, а именно, что вещь отражается в соответствующей идее, мы отнюдь не спорим с вами, ибо не являемся идеалистами, но имеем в виду примерно следующее. Представьте себе, что до 1900 года не было смысла упоминать, допустим, о такой вещи, как нейтроны, по той простой причине, что наука о них ничего не знала. И только в 30-х годах такой смысл появился благодаря открытию Чедвика. Вот мы и утверждаем, что именно идея 1930 года дала ход опредмечиванию соответствующей вещи, т.е. сделала нейтроны достоверностью, в том числе и достоверностью 1900 года и более ранней. Заметь, конструктивистский смысл «существования» связан с таким «есть», о котором мы можем говорить вполне предметно. Именно мы, а не вы, истинные реалисты, поскольку не просто признаем независимое от человека существование внешнего мира, но в отличие от вас не видим этот мир готовым, уже обладающим всеми своими характеристиками. Только мы, люди, способны характеризовать, определять его, и этот процесс – культурная и социальная деятельность, а не чисто познавательная, независимая от культуры и общества» [4].

Социально-конструктивистский механизм опредмечивания, «высвобождения» в историческом социальном опыте той или иной «вещи», соответствуют пониманию Д.Б.Зильбермана, у которого ценности – это в конечном счете предметные ценности, т.е. некая объективная реальность, «вещь». Но как эта «вещь» признается в качестве таковой? Вначале возникает ценностное сознание, т.е. идея ценностей, и у Д.Б.Зильбермана по всему очевидно, что ценностное сознание исторически пробуждается и закрепляется отнюдь не в любом социокультурном опыте, но в специфическом (в том, какой в конце концов и сложился со временем в принципиально письменную культуру) [2].

Очевидное достоинство ценностей доктрины Д.Б.Зильбермана: проблема ценностей (ценностного сознания) не просто социологизируется в абстрактно-философском ключе, скажем, в терминах марксистской или социально-конструктивистской традиции, но помещается в очень конкретный культурологический контекст благодаря ссылке на такой исторически и культурно конкретный индикатор ценностной реальности, как письменность. Ведь вслед за Д.Б.Зильберманом мы теперь можем и обязаны говорить о ценностях не вообще, а в рамках вполне конкретных культур – тех, где письменность должна была разбудить и разбудила ценностное сознание, т.е. мы можем и обязаны говорить о ценностных и неценностных культурах, причем вполне эмпирически, указывая на конкретные знаки того, что данная культура ценностная, либо неценностная. А поскольку по зильбермановой доктрине неценностное сознание – это сознание нормативное, настроение принимать наличное бытие как «самоубедительное», должное, т.е. принимать навязываемые извне авторитеты, то эмпирическим знаком ценностной культуры и могут служить различные проявления нормативной ментальности.

Разграничение Д.Б.Зильберманом ценностных и неценностных культур, при всей его условности остается актуальным в изучении и сравнении между собой разных культур. Для нас же оно важно лишь в том плане, что выделяет два типа сознания – ценностный и неценностный и в отношении уже не культур, а индивидов, принадлежащих как бы не тому или иному культурному сообществу, а в целом современному миру, когда как бы допус-

кается, что в этом современном мире поведение конкретных людей, независимо от их национально-культурной принадлежности, может отвечать и ценностному, и неценностному стереотипу, иначе говоря, сила именно культурологического подхода Д.Б. Зильбермана к ценностям состоит в том, что этот подход не просто постулирует ценностную реальность как нечто само собой разумеющееся, некую очевидную данность, но эмпирически демонстрирует, доказывает ее в качестве ценностного и неценностного типов индивидуального сознания, тем самым и обеспечивая плодотворные исследовательские ходы в отношении ценностей уже в плоскости не культурологии, социальной психологии, а индивидуальной психологии. Эта логика обнаруживает, что социально-психологическая постановка проблемы ценностей (проблема социальных ценностей) полностью производна от постановки ее как индивидуально – психологической (проблема личностных ценностей): ведь, по Д.Б. Зильберману, «вещные» ценности (социальные ценности) появляются лишь в результате ценностного поведения индивидов, их способности оценивать «вещи», т.е. приписывать им смысл, назначение, мотив.

Плодотворность Зильберманова подхода к проблеме ценностей именно как прежде всего не культурологической и социально-психологической, а индивидуально-психологической еще в том, что подход этот дает возможность назвать вполне конкретные базовые ценности, продуцируемые ценностным сознанием, т.е. вполне абсолютные, а отнюдь не относительные ценности, которые «высвобождаются» сами ценностным поведением индивидов и вне этого поведения невозможны [3].

Действительно, чем, по Д.Б. Зильберману, определяется ценностное сознание? Оно, в противоположность сознанию нормативному (неценностному), для которого наличная данность самоубедительна, и потому ее надо принять как нечто должное, норму, определяется способностью отстраняться от текущего события и, значит, задаваться вопросом о его смысле, назначении, мотиве, т.е. способностью принимать события только после их исследования, познания – каковы их истоки, к чему эти события могут привести. Так, собственно, и возникает сознание перемен, или историческое сознание: текущее событие когда-то нача-

лось (прошлое события) и когда-то закончится (будущее события). И отсюда же возникает сознание возможных альтернатив всему тому, что происходит «сейчас»: если в событии вычлениются его прошлое, настоящее и будущее, то перед нами уже как бы три разных события и, значит, мы приучаемся к мысли, что возможно и иное положение дел, нежели наличное. А это и будет собственно ценностное сознание – «взвешивать» или оценивать возможные альтернативы наличному бытию и в результате выбирать из всех на данный момент наиболее достойную, которая и принимается не как «самоубедительная», норма, а как убедительная по итогу выбора-оценки, как ценность.

И здесь возникает вопрос, по какому же критерию индивид выбирает «самую убедительную» из возможных альтернатив, назначая ее ценностью. Таким критерием является сама приверженность индивида именно свободному выбору, а не слепому подчинению каким-либо авторитетам (норме). Свободно выбирающий индивид олицетворяет само право человека свободно выбирать, что и является залогом правильного выбора в принципиальном смысле слова: человек «выбирающего» типа всегда выберет, назовет ценностью то, что выберет, назовет ценностью большинство нормальных людей, если им предоставить право выбора. Значит право выбора «опредмечивается» в правильных ценностях, и значит право есть абсолютная, базовая ценность для любых конкретных своих «опредмечиваний» [4].

Что же это за базовая ценность? Нетрудно понять, что «выбирающий», или ценностный индивидуальный тип действует по стереотипам свободы и ненасилия, именно эти ценности утверждая в обществе в качестве базовых и, более того, абсолютных, поскольку если сознание ценностное, то опредмечивается оно в любой культуре, любом обществе и в любые времена прежде всего в ценностях свободы и ненасилия.

На наш взгляд, таким убедительным свидетельством выступает социально-политическая реальность. Разве нормативный (неценностный) тип сознания не воплощен в тоталитарных политических режимах, где безраздельно правит насилие власти, точно так же, как и ценностный (ненасильственный) тип сознания – в политических демократи-

ях, где более или менее реально властвует право?

Сошлемся на известного французского философа П.Рикера, который вообще считал, что понятия «власть» и «право» по своему глубинному смыслу относятся к диаметрально противоположным социально-политическим реальностям. Французский исследователь показывает это на примере судопроизводства, причем даже просто риторики судопроизводства, полагая, что сам язык правосудия, как он исторически сложился, принципиально отвергает насилие. Иначе говоря, можно понять у П.Рикера, что как таковой институт правосудия со всей его риторикой – это институционализация именно ценностного типа сознания, стремящегося жить в правовом (демократическом) политическом пространстве, пусть даже этот институт и существует формально (имитационно) в тоталитаристской политической реальности, в пространстве не права, а власти (властного произвола).

Так по поводу процедуры вынесения приговора в суде П.Рикер пишет: «Фемида изображается с весами и мечом... и эти два символа чрезвычайно важны. С одной стороны, весы: у всех есть равные права высказываться, но, с другой стороны, в конце концов, меч правосудия опустится... Меч правосудия и меч власти – не одно и то же; поскольку меч власти отрубает голову, тогда как меч правосудия разит только словом... В больших сложных процессах, например в процессах во Франции по факту переливания зараженной крови, когда было много жертв, мы наблюдаем, что наиболее примечательные с моральной точки зрения жертвы – не только люди, которые стремились к мести, а те, которые хотели правового решения, хотели, чтобы было высказано: вот это жертва, а вот виновный, чтобы была установлена, скажем, справедливая дистанция. Это проблема установления истины в правосудии. Именно здесь видно, что правосудие – не ответ насилием на насилие, не дополнительное насилие... Это подводит...к той функции вынесения правового суждения, которая заключается в примирении враждующих сторон. Конечно, это утопия права, но эта утопия коренится в сущности права и составляет его основу... Я убежденный противник смертной казни: государство должно воспрепятствовать палачу как слугите-

лю насилия, должно отказаться от смертной казни, должно подвергнуть себя самоограничению. Подчеркну: конечная цель судебного процесса и суда как института – способствовать общественному миру благодаря торжеству языка над насилием. Разумеется, это только направление движения, это предел стремлений. Но я сказал бы, что даже право должно позволить нам мечтать».

П. Рикер здесь предметно демонстрирует не что иное, как актуальность отличия нормы от ценности, нормативного сознания и поведения – от ценностного. В самом деле, существование в обществе такого фундаментального института, как правосудие, – это некая социальная норма, несущая для любого члена запрет на преступления. Но П.Рикер оговаривает, что эта фундаментальная социальная норма не могла бы установиться в принципе, не будь она по своей сути социальной ценностью, ибо сущность правосудия – не «меч Фемиды» за нарушение нормы «не преступай», а «весы Фемиды», когда в идеале каждая из дискутирующих в суде сторон (включая потерпевшего и преступника) свободно, самостоятельно приходит к сознанию недопустимости насилия, т.е. в ненасильственной процедуре приходит именно к ценности ненасилия. Тем самым П.Рикер и показывает фундаментальность в человеческом обществе не просто ценностного стереотипа (в отличие от нефундаментальности, производной стереотипа нормативного), но фундаментальность вполне конкретных ценностей – свободы и ненасилия, коль скоро они направляют саму процедуру пробуждения ценностного сознания. И этим П.Рикер независимо подтверждает всю логику ценностной доктрины Д.Б.Зильбермана, от выявления и противопоставления между собой фундаментального для индивида ценностного и нефундаментального, производного нормативного поведенческих стереотипов до называния свободы и ненасилия базовыми и абсолютными ценностями.

Логика подхода Д.Б.Зильбермана к ценностям прямо перекликается с логикой концепции немецкого исследователя Х.Брунхорста, который уже на ином историческом и культурологическом материале – истории становления европейской цивилизации – приходит в точности к тем же выводам, что и Д.Б.Зильберман. И совпадения здесь настоль-

ко разительны, что они сами по себе свидетельствуют о выводах обоих авторов в отношении сущности и природы ценностей как об объективной истине [1].

Так, Х.Брунхорст считает, подобно Д.Б.Зильберману, что природа ценностного сознания может быть понята лишь в противопоставлении его сознанию нормативному, а это противопоставление выявляется только в исторической культурологии. И, если Д.Б.Зильберман берет эту историческую культурологию как переход человеческой культуры от дописьменного состояния к письменному, то Х.Брунхорст показывает «филогонез» ценностного сознания из сознания нормативного на переходе от раннеевропейской, или древнегреческой ментальности (нормативное сознание) к современно-европейской или западной ментальности (ценностное сознание)². Х.Брунхорст отмечает, что безальтернативное (неисторическое) сознание древних греков не могло быть ценностным. Оно не знало альтернатив, поскольку для него существовала непреложная норма «вечного», диктуемая интеллектом. И опредмечивалось это сознание не в ценностях, а в нормах, так что древнегреческой ментальности были принципиально чужды право выбора, была принципиально чужда свобода. И напротив, этой ментальности вполне могли отвечать авторитаризм и насилие в качестве социальной нормы. И разве не показательно, добавим от себя, что древнегреческие мыслители, в ча-

стности, такие классики, как Платон и Аристотель, дружно называли демократию (политическое воплощение свободы и ненасилия) одним из самых худших политических устройств общества, хуже которой только тирания – абсолютный властный произвол?

Тем самым, заметим, Х.Брунхорст тут «выходит» на логику П.Рикера (и все того же Д.Б.Зильбермана), когда обнаруживает социально-политические корреляции ценностного сознания в виде приверженности свободе и ненасилию и нормативного сознания – авторитаризму.

Проведенный нами обзор доктрин и точек зрения касающихся проблемы ценностей, позволяет сформулировать некоторые выводы.

Во-первых, из всего многообразия идей о том, что такое ценности, определенно выделяется направление, заявляющее себя весьма плодотворным, поскольку оно интегрирует существующие здесь подходы и разрабатывается уже не одиночками, а многими исследователями, что собственно и может указывать на истинность того пути, по которому эти исследователи идут. Это направление хорошо представляют историко-культурологические ценностные доктрины российского исследователя Д.Б.Зильбермана и немецкого – Х.Брунхорста [4].

Во-вторых, если в понимании ценностной проблематики взять за основу именно указанные доктрины, то вырисовывается следующая картина в отношении ценностей:

Таблица. Контент-анализ точек зрения на содержание понятия «ценность»

Фамилия автора	Ценность – это			
	исключительно личностная, индивидуальная категория	особая предметная область в виде исключительной социальной категории («социальных значений»)	обозначение некой другой реальности (потребность, интересов)	единство индивидуальной и социальной категорий и часть личностной структуры
Дж.Дьюи			+	
У.Джеймс			+	
Р.Пери			+	
В.Тугаринов			+	
В.С.Бакиров			+	
П.Сорокин		+		
Д.А.Леонтьев		+		
Экзистенциалисты	+			
А.С.Богомолов				+
О.Г.Дробницкий				+
Д.Б.Зильберман				+
Р.Нола				+
Х.Брунхорст				+

а) ценность связана не с онтологией, а с ценностным сознанием, которое производит ценность своей способностью выбирать из возможных альтернатив, т.е. оценивать альтернативы; состоявшийся выбор производит ценность именно постольку, поскольку он – свободный выбор личности, и поэтому ценность всегда является личностной ценностью, частью личностной структуры; но одновременно она – и надличностная, социальная ценность, ибо в условиях свободного выбора личность в принципе называет ценностью то, что назвали бы в условиях свободного выбора большинство людей; словом, ценностное сознание опредмечивается в актах сво-

бодного личностного выбора, производя личностные ценностные ориентации, которые одновременно являются и ценностями социальными;

б) базовыми личностными (и социальными) ценностями являются свобода и ненасилие;

в) ценностному сознанию противостоит сознание нормативное, которое в силу самого факта не продуцирует ценностей и опредмечивается в слепом подчинении внешним авторитетам; оба типа сознания, условия их закрепления у индивидов представляют актуальную психолого-педагогическую проблему.

18.01.2011

Список литературы:

1. Зубова Л.В. Психологические особенности ценностных ориентаций подростков с различной направленностью личности. – Оренбург, 2002. – 150 с.
2. Зильберман Д.Б. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность // Вопросы философии. – М., 1996. – №4.
3. Иващенко А.В. Нравственное воспитание старшеклассников. – Минск, 1974. – 104 с.
4. Иващенко А.В., Зубова Л.В. Психологические особенности ценностных ориентаций подростков с различной направленностью личности. – Оренбург, 2010. – 150 с.
5. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – М., 1996. – №4.
6. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. – М., 1994.

Сведения об авторе: **Махрова Елена Игоревна**, ассистент кафедры правоведения
Оренбургского государственного университета

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, к. 2318, тел.: (3532) 372579, e-mail: mahrova24@mail.ru

UDC 37.018

Mahrova E.I.

VALUES AND VALUE ORIENTATIONS AT THE MODERN SCIENTIFIC LITERATURE

Article is devoted research of concept of value and valuable orientations in the modern scientific literature within the limits of pedagogical, psychological and sociological theories. The basic approaches to the analysis of concepts of «value», «valuable orientations» are allocated, the attention to which various interpretation is caused by their ideologically-esthetic maintenance. The points of view in works of domestic and foreign scientists of last time of Z.Frejda, D.B.Zilbermana, River Nola, H.Brunkhorsta have been considered.

Key words: value, valuable orientations, the valuable doctrine, the person, valuable consciousness, the doctrine, social values.

Bibliography:

1. Zubova L.V. Psychological of feature of valuable orientations of teenagers with a various orientation of the person. – Orenburg, 2002. 150 with.
2. Zilberman D.B. Tradition as communications: translation of values, writing//philosophy Questions. - M, 1996. - №4.
3. Ivaschenko A.V. Moral education of senior pupils. - Minsk, 1974. - 104 with.
4. Ivashchenko A.V., Zubova L.V. Psychological of feature of valuable orientations of teenagers with a various orientation of the person. – Orenburg, 2010. 150 with.
5. Leontiev D.A. Value as interdisciplinary concept: experience of multidimensional reconstruction//philosophy Questions. - M, 1996. - № 4.
6. Thomas U, Znanetsky Ф. Methodological notes//the American sociological thought. - M, 1994.